

Новейшая трактовка «Обломова»

Роман И.А.Гончарова «Обломов» принадлежит не только к одному из выдающихся произведений русской литературы XIX века, но также и входит в золотую коллекцию мировой классики.

Произведение написано виртуозным знанием русской словесности. Мастерски играя стилем и слогом, автор как бы, свободно оставляет за главными героями «элитарную» речь и употребляет устами других персонажей старославянский язык, обращаясь тем самым к уходящей эпохе.

Своё личное, беспристрастное отношение к своему детищу И.А.Гончаров сохраняет в романе от начального этапа до окончательного его завершения. Автор присутствует только, как тонкий и чуткий обозреватель в процессе создаваемого им сюжета, главным действующим лицом которого представляется Обломов, не только как явление новое в тогдашней социально-политической жизни, но и предшествовавшее ещё и как личность вне временных рамок до возникновения замысла в качестве нового образа. Исследуемый портрет Обломова лежит на поверхности актуальной грани формирования психологического типа, присутствовавшего во всех видах искусства, в том числе, в литературе, живописи и кинематографе. А И.А.Гончаров оживил и воссоздал его в целостный образ, который был реален «до» и который будет вечен «после», окончательно увековечив бессмертный облик своего края в литературном творении.

Уникальная внутренняя свобода литературного построения в романе между своим «я» и между ключевыми лицами «они», прослеживается не разобщенностью стилевой структуры, а разве что деликатным вмешательством автора, словно с одержимостью виртуозного дирижёра.

Следовательно, апофеоз фундаментального произведения возносится над личностью самого автора, не только мощностью повествования и раскрытием всех образов, персонажей, типажей, но и тем, что писатель предопределил и предугадал отмену крепостного права в России в 1861 году, где неоднократно поднимаются вопросы оброка и барщины.

«Историческая обстановка, впрочем, не благоприятствовала творческой активности – начиналось «мрачное семилетие» – как говорили тогда.

В 1848 году во Франции, Австрии и Пруссии и других европейских странах произошли революционные выступления народных масс против своих правительств. Боясь, что такие события последуют и в России, царские власти усилили политические репрессии по отношению к передовой интеллигенции. Был разгромлен революционный кружок Петрашевского, были арестованы некоторые писатели. Только смерть избавила

В.Г.Белинского от ареста. Наступил цензурный террор. Всё это тяжело сказалось на литературной жизни России.

Таким образом, революционный образ Ильи Ильича был намеренно завуалирован И.А.Гончаровым и Обломов остался непонятым героем в мировом литературном наследии. Имя Обломова стало нарицательным, но не в правильном употреблении этого слова. Это ошибочное мнение о нём и перевёртыш истинного значения. Герой романа истолкован неверно и не может превратиться «в парадигматическую фигуру лени» и тем самым необходимо искать не следствия, а причины этого явления, вчитываясь не между строк книги, а анализируя каждое слово, написанное автором. «Лень как феномен культуры», но только не для Ильи Ильича Обломова. Он распознал русскую душу и поэтому его сомнения, тревоги и несбыточные желания, ищущие подходящей реализации в переходном моменте из одного исторического развития и этапа в другое, вгоняют его в глубокую депрессию. Но ни в коем случае, мы не можем указать на его «парадигматическую фигуру лени».

Илья Ильич Обломов – дворянин родом, безвыездно проживающий в Петербурге двенадцать лет, получивший образование, бывший коллежский секретарь чином, «...и если нельзя сказать, чтоб он был жив, то по крайней мере живее, чем теперь...» одним из первых предугадал разложение существующего буржуазного общества, господствовавшее в столичных салонах, утопая в изобилии, блеске и помпезности, продекламировав: «Чего там искать? Интересов ума, сердца? Ты посмотри, где центр, около которого вращается все это: нет его, нет ничего глубокого, задевающего за живое. Все это мертвецы, спящие люди, хуже меня, эти члены света и общества!», – равно как отрицает литературный пафос, который кругом навязывают ему для чтения, как и наблюдает существующий разлад общества и в среде лакеев, клеветующих о своих господах, а также занимающихся каверзами очевидными для героя произведения.

В заключительной четвертой части последней главы штриховая конструкция находит свое точное пророчество со слов нищего, старого слуги Обломова Захара, озвучившим сложившуюся реальность Штольцу в присутствии литератора, который «дебютирует» в конце романа, в качестве передового носителя общественной мысли: «Все не то теперь, не по-прежнему; хуже стало. В лакеи грамотных требуют; да и у знатных господ нет уж этого, чтоб в передней битком набито было народу».

Центральная фигура Ильи Ильича Обломова, его психофизическая характеристика утверждается почти что с первых глав, внося ясность заявлением о себе: «Я теперь буду знать, что я для тебя все равно, что «другой!», – говорит он Захару, «А я, – ещё забочусь день и ночь, тружусь, иногда голова горит, сердце замирает, по ночам не спишь, ворочаешься, все думаешь, как бы лучше... а о ком? Для кого? Все для вас крестьян; стало быть, и для тебя. Ты, может быть, думаешь, глядя, как я иногда покроюсь

совсем одеялом с головой, что я лежу как пень да сплю; нет, не сплю я, а думаю все крепкую думу, чтоб крестьяне не потерпели ни в чём нужды...»

Определять личность Ильи Ильича в расстройстве онейроидном синдромом (фантастическое бредовое расстройство сознания, характеризующееся калейдоскопичностью психопатологических переживаний, при которых реальность и иллюзии сливаются воедино. Для онейроида характерны эмоциональные, двигательные (в частности, кататонические) нарушения, наплыв сноподобных псевдогаллюцинаций и наличие бреда фантастического характера) было бы сущей литературной несправедливостью и необоснованным вымыслом по отношению к герою Гончарова.

Илья Ильич крайне отчаявшись (ни в коем случае, не в ленивой форме «эмбриона» лежащего на диване) всеобщим положением социально-политической жизни в какой-то момент невольно выпадает из реальной матрицы инертной России, опережая и предвидя предстоящие события, но увы, оставаясь в силу общественной несостоятельности и в зависимости от окружающих обстоятельств в безысходном и в «безоружном» состоянии.

Определительное местоимение «другой» искусно соткано в ткань произведения с легкой меткой завуалированной недвусмысленностью, но и ясной прозрачностью, что прочно удерживается до конца романа.

Главная сюжетная ситуация в романе – взаимоотношения между Обломовым и Ольгой Ильинской. О классическом примере такого разрешения писал Чернышевский в 1858 году в известной статье «Русский человек на rendez-vous».

Объяснительное письмо Ильи Ильича к Ольге Сергеевне Ильинской ближе к переломленной истине о знании жизни Обломова, (которую автор выделил в свой черед несоответствием двух образов без «встречи двух которых и двух что») нежели исповедальное письмо к женщине: «Вы меня не любите и не можете любить», «когда-то ещё другой придёт», «если б вы были опытнее, старше...», «другой бы прибавил: пишу и обливаюсь слезами, но я не рисуюсь перед вами...», «другие будут смеяться надо мной; пожалуй, я и на то решаюсь».

Возможно, духовному миру Ольги Ильинской свойственны гармония ума, сердца, воли и деятельного добра, но отнюдь не свойственны распознавания человеческой психологии и тонкие познания человеческой души в которой отсутствует элементарная эмпатия и простая разборчивость. Невозможность для Обломова понять и принять эту «высокую нравственную норму жизни» оборачивается неумолимым приговором ему как личности. На той же странице, где впервые произносится имя Ольги Ильинской, впервые же появляется и слово, в последствии ставшее термином «обломовщина». Говоря словами Чернышевского, Обломов пройдёт «гамлетовское испытание» и возродится как человек в полной мере. Они «не лгали ни перед собой, ни друг другу: они выдавали то, что говорило сердце, а голос его проходил через воображение». Ольга могла «служить» Илье катализатором,

стимулятором его идей, но он первый понял, что только не тылом, не вездесущей опорой, не беспрекословной поддержкой, не идеологическим партнером по жизни. Ей действительно нужен был «другой», кто-то по подобию Андрея Штольца с его пустыми хлопотами, на чём и неоднократно делает акцент сам Илья Ильич. Гончаров недвусмысленно пишет, что его героиня «шла ПРОСТЫМ, природным путём жизни... НЕ УКЛОНЯЛАСЬ от естественного проявления мысли, чувства, воли... Ни жеманства, ни кокетства, никакой мишуры, ни умысла!»

Илье Ильичу далеко до «естественности» Ольги (когда в приоритете были балы, маскарады, театры и концерты) свободной от многих житейских соображений, посторонних и, по существу, враждебных любовному чувству. Ольга по идее и внутреннему миру не могла бы быть супругой Дон Кихота, партнером Гамлета и определенно не могла бы стать женой декабриста! Скоро оказалось, что чувство любви Обломова к Ольге было кратковременной вспышкой. Иллюзии на этот счёт быстро рассеиваются у Обломова. И Илья торопится убедить Ольгу: «... вы ошиблись, перед вами не тот, кого вы ждали, о ком мечтали». Илья Ильич со всей ответственностью понимает, что у него с Ольгой полная психологическая несовместимость, так как она не может в нём определить первопричину безмятежного «сонного состояния», а вернее что за этим стоит и в чём кроится этот тайный смысл. Обломова можно «читать» и понимать только, вслушиваясь в его слова и сентенции. «Спит безмятежно человек» – вот каким видится Илье Ильичу существующее общество, тип действующего общественного порядка.

Письмо Обломова к Ольге с деловой, европейской живостью переиначивается Андреем Ивановичем Штольцем не в пользу Ильи, а это скорее всего носит характер подменной трактовки на свой корыстный лад, чем действительным желанием помочь девушке разобраться в ее чувствах, когда они находятся вдвоём.

Обломов не мог по сути страдать как мы говорили выше онейродинамикой (сопровождаемый эмоциональными, двигательными и волевыми нарушениями, расстройствами мышления и речи), так как был в вечном движении мыслительного аппарата, если не сказать о его умеренной гиперактивности о чём свидетельствует его выход в свет с Ольгой Ильинской после длительного затяжного «ступора». Разве при таком клеветническом диагнозе на него, мог бы он вообще что-либо делать? Повторим мысль о том, что Ольга могла бы быть рядом с Обломовым если бы не её «зрячая слепота», могла бы быть ему опорой в борьбе с общественной закостенелостью, монархическим режимом и самодержавным бесправием. И вправду, когда Илья Ильич включает воображение и не находя ответа, не видя выхода – «он спит беспокойно». «Ты готов всю жизнь проворковать под кровлей... да я НЕ ТАКАЯ: МНЕ МАЛО ЭТОГО...», – говорит ему Ольга.

Одним из ключевых фигур произведения является немец Андрей Штолец, друг детства и отрочества Ильи Ильича.

Друг детства и отрочества больше других знает Обломова, но и не проникновеннее многих. Штольца всегда влекла к Обломову его глубина мысли, преданность, справедливость, идейность и порядочность.

«Юношеский максимализм» Андрея Ивановича повлѣк за собой не столько разрушительного для самого себя и для всех, сколько созерцательного видения, познания мира, в чем не нуждался покоящийся рассудительный Илья Ильич.

Скудная прозорливость Штольца, тщеславие и эгоизм противоречат мироощущению Обломова. При всем наличии человеческой составляющей, Андрей Иванович в начале романа выставляет Илью Ильича, хоть и возможно бессознательно, предметом на обозрение перед Ольгой Сергеевной, затем с такой же ловкостью низводит его со сценической арены в момент кульминации. Разыгранный фарс Штольца с письмом Ильи Ильича перед Ольгой, хоть и не может засчитаться в заслугу дружеских отношений, однако неизменным смягчающим фактом этики немца остаѣтся усыновление им после смерти Обломова его сына.

Именно «благодаря» Штольцу мы узнаем о многих замечательных чертах Обломова. Обломов – «хрустальная, прозрачная душа», говорит он, тут же добавляя: «... ЭТО ПЕРЛЫ в толпе! Его сердца не подкупишь ничем». Хотя ничего хорошего о нём самом не скажешь. Андрей Штолец антипод Ильи Ильича Обломова. Деятельность Андрея напоминает никчѣмную суету, беготню за эфемерным и страстью к ложным ценностям и ориентирам. Энергичные занятия и передвижения Штольца вызывают ассоциацию с коммивояжерством, с туристской беготней. Его практицизм далѣк от высоких идеалов. Он представляется нам собственным же признанием в ординарности своих желаний, в бескрылости и негероичности своих усилий: «Мы не Титаны с тобой... мы не пойдѣм, с Манфредами и Фаустами, на ДЕРЗКУЮ БОРЬБУ с МЯТЕЖНЫМИ ВОПРОСАМИ, не примем их вызова, склоним головы и смиренно переживѣм трудную минуту». О невысокой цене культурно-коммерческой деятельности, экономических идей Штольца нетрудно догадаться, это всё происходит на потребительском, мещанском уровне. Слова Штольца: «Труд-образ, содержание, стихия и цель жизни», – звучат просто декларацией, не имеющей ни социальной, ни моральной перспективы. Образ Штольца схематичен и, в сущности, эмоционально безлик, его жизнь не освещена яркими красками и подробностями.

Это обусловлено намеренно недосказанностью гончаровского представления о том, каким должно быть дело, спасающее Россию от бесправия.

Автор пишет о Штольце: «Он знал цену редким и дорогим свойствам и так скупно тратил их, что его звали эгоистом, бесчувственным. Удержанность его от порывов, умение не выйти из границ естественного, свободного состояния духа клеймили укором и тут же оправдывали, иногда с завистью и удивлением, другого, который со всего размаха летел в болото и РАЗБИВАЛ своё и ЧУЖОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ».

Употребляемые Обломовым слова – «авось», «может быть» и «как-нибудь» Гончаров сам называет примирительными и успокоительными. Если Штольц – прагматик, то Илья Ильич, – оптимист и в то же время реалист, максималист и одновременно идеалист и перфекционист: «Это значит идти вперед. И так всю жизнь! Прощай, поэтический идеал жизни!» Здесь чувствуется стимуляция к преобразованиям. «Это какая-то кузница, не жизнь». Обломов не смиряется с обыденностью. «Тут вечно пламя, трескотня, жар, шум, когда же ПОЖИТЬ?» Имеется ввиду равная жизнь для всех без эксплуатации и узурпаторов.

С пытливым описательным, раскрывающим натуру, анализом составляет, образ немца-отца, мать Андрея – «как на толпу патентованных мещан». Загадочная женская русская душа распознала, «...во всей немецкой нации не было и не могло быть ни одного джентльмена. Никакой мягкости, деликатности, снисхождения, ничего того, что делает жизнь так приятною в хорошем свете, с чем можно обойти какое-нибудь правило, нарушить обычай, не подчиниться уставу. Нет, так и ломают эти невежи, так и напирают на то, что у них положено, что заберут себе в голову, готовы хоть стену пробить лбом, лишь бы поступить по правилам». И далее: «Как ни наряди немца, – думала мать Андрея, – какую тонкую и белую рубашку он ни наденет, пусть обуется в лакированные сапоги, даже наденет жёлтые перчатки, а всё он скроен как будто из сапожной кожи; из-под белых манжет всё торчат жесткие и красноватые руки, и из-под изящного костюма выглядывает если не булочник, так буфетчик. Эти жесткие руки так и просятся приняться за шило или много-много – что за смычок в оркестре».

В итоге какую же объективную оценку мы должны дать Штольцу в его безнравственном и низком поступке, когда он так подло «отбивает» Ольгу Ильинскую у друга? Не угрызение ли совести, если оно есть, или сожаление о содеянном заставит Штольца, в том числе и Ольгу, взять на себя отцовские и материнские обязанности по отношению к сыну скончавшегося Обломова?!

На примере предательства и воспалённого «трудолюбия» Штольца, на примере непостоянства и психологической неразборчивости Ольги – ЗОНА КОМФОРТА – которой огородил себя Илья Ильич от окружения – эта самая маленькая жертва, преподнесённая им на благо разлагающегося общества. По сравнению с Андреем Штольцем, Ольгой Ильинской и окружением, Обломов – как белая ворона, без генетической мутации в среде серых незамысловатых мышей. Обломов не притворялся никогда ни с кем, он не одевал маску угодничества и заискивания, ему противно было приспособленчество, и он не плыл по течению как все, он был другой!

В отличие от матери Штольца, Ольга Ильинская не прониклась в суть натуры «выскочки, из черного тела, от отца бюргера», так как круг у нее замыкался на себе самой, на своем эмоциональном поле: из ужина в театр, с обеда на балет. Столичный уклад жизни требовал от всех и каждого гонку за страстями, лжелюбознательными интересами о политике и фейерверком пошлых, безотчетных радостей.

Надуманная игра Ольги Сергеевны в отношениях с Ильёй Ильичом изображается в первой её фазе колкостями, иронией, насмешкой, во второй – любовью не слепой, интуитивно осознавая превосходство Обломова над собой и над всеми, ощущением априори кричащей со дна женской природы, и в третьей – окончательным разрушением образа героя. Установка жизненных приоритетов на начальном этапе против «бездействия» Обломова, внедренная Ольгой для Ильи, может служить мотивацией, но никак не становлением. Состоявшаяся личность Обломова открывается с первой главы, первой части романа – «лежанием в постели» и последующие, возможно, правильные старания Ильинской – оказали бы верную службу Илье Ильичу прорывом на свершения и исход в грядущем, если бы её «муштрование» решалось не переламыванием сущности Обломова, а с вдохновением, верой и пониманием. Ольга Сергеевна могла бы поддержать Илью как фоновое стимулирующее явление, но не как катализатор для него во имя высших идеалов, к которому стремился герой произведения.

Определив в откровенной беседе обстоятельства сложившейся ситуации со Штольцем об Обломове, Ольга, разоблачая ранее Андрея, говорит ему: «Другой, никогда! Я узнала его больше, нежели вы...»

Уверенно высказывает она своё мнение о любимом человеке его другу. И как ни парадоксально на этом этапе отношений с Ильёй, она права как никто другой. Но эти её убеждения рассеялись как дым и это не помешало ей, не понимая до конца личность Ильи и поддавшись влиянию змея-искусителя Андрея не долго раздумывая выйти за него замуж. Последний, который методично и искусно сплёл паутину соблазна и словно злоумышленник пробрался в окно через чёрный вход в которую попались как Ольга, так и Илья. Однако, проблески просветления у Ольги были лишь вспышками той правды, характеризующей её эмоциональное состояние, которое порой и выдаёт правильный вердикт. Но Ильинская не только не разобрала естество Обломова и не осмыслила характер Штольца, досаднее всего, запутавшись в крайностях человеческой сущности, она технически переносит чувство на подвернувшийся «объект», а именно на Андрея, не постаравшись ещё раз «контрольно» что-то осмыслить.

Уведомлённый от Андрея о замужестве Ольги с ним, Илья, после недолгой задумчивости и растерянности, мгновенно встряхнувшись, в радостном умилении говорит: «Я благословляю эту встречу, благословляю её и на новом пути! Что, если б другой...» Тронутый благородностью «неспящего» друга, Штолец добавляет не менее содержательную риторическую формулировку: «Скажу, что другого Обломова не знаю!»

Изначально недалёковидностью, неопытностью, непредсказуемостью Ольги апеллировали друзья, исходя каждый из своей правды. С течением времени, Андрею Ивановичу в новом статусе мужа приходится искусно поддерживать себя в свежей форме, дабы подпитывать духовный мир Ольги, подтверждать возложенные на него надежды, не пасть ниц, на что и не раз ссылалась Ильинская на «авторитет» Сонечки, подруги Ольги, в перезвоне

последних событий о её третьей влюбленности. Таким образом Андрею приходилось быть лучшей версией самого себя.

«Обломов» – это модель поведения «нового человека», заключающая в себе суть бодрствования во сне, гранью между сном и явью, вероятно порой и высыпанием, откуда он и черпает новые, целеустремленные силы. Илья Ильич всем «составом» своим, понимая социальное неравенство, несправедливость между классами, беспорядками в кругах, ограничивается лишь сочувствием и невмешательством. Его хрустально чистая душа, не замаравшая себя темным пятном прошлого, знает законы чести и мужества, встречая на своем недолгом пути даже асоциальных типов Мухоярова и Тарантьева, последнему из которых он влепил вполне достойную, заслуженную пощечину.

Через «Обломова» проецируется само общество, с той лишь разницей, что хаос не внутри Ильи Ильича, а вокруг него и в творящем мире.

Сон Обломова символизирует сон уходящего, испускающего дух общественного строя. Не потерянный рай «Обломовки» хотел вернуть Илья Ильич, а вероятную гармонию мира, стабильности, покоя, о той «утопии», в которой упрекал его ранее Штольц.

Не непробудным, безмятежным сном бездействует Илья Ильич, он зрит недремлющим оком в «мертвое спящее царство», которое и обозначил автор метафорически, как попеременно одолевающие ячмени, выскочившие с одного глаза на другой у Обломова, подобно предвестникам будущих событий. То, к чему призывал Обломов, претворяет в жизнь, воссоздаёт идеальную жизнь в реальность, даже не подозревая этого и сам Штольц, отыскав свою «Обломовку» в деревенской оседлой жизни в кругу семейной идиллии.

Исполнение Ольгой партии из итальянской арии «Casta diva», подтверждает внутреннее сопереживание Обломова, созвучное с неизбежным падением самодержавия, господства, отмену крепостничества и освобождение родины от привилегированной классовой верхушки.

И Обломов встречает Агафью Матвеевну Пшеницыну, в доме которой обретает смысл бытия. Илья Ильич понимает высокую цену простым радостям жизни. И перед нами воссоздаётся портрет просто человека способного понять добро и ответить на него сочувствием и признательностью. Пшеницына не только не подавляла умственную активность героя, создавала умиротворённую стену и прочный фон в процессе его мыслительных сублимаций.

Не случайно Гончаров в романе обозначает свою героиню знаковым именем – Пшеницына. Здесь следует раскрыть символический код этой фамилии, дать короткую расшифровку внеся ясность в идеологическое видение автора, преподнесенное нам в виде скрытого посыла. Отсылка фамилии Пшеницына символизирует пшеницу, которая является образом изобилия, Божьего благословения, посланного людям. Посев пшеницы используется как символ раскаяния и скромности. В христианской вере «хлеб

жизни» (Иисус) характеризуется мотивом связанной пшеницы – это образ божественного урожая, который в конечном итоге будет СОБРАН, обозначающий СРЕЗ ЖИЗНИ и ОБНОВЛЕНИЕ (или ВОСКРЕШЕНИЕ) ДУШИ. Именно через Агафью Матвеевну у Обломова наступает этап обновления и воскрешения, чьи природные задатки были загублены мертвящими обстоятельствами, которые ждали удачного момента.

Образ Пшеницыной в романе проходит сквозной линией, ничуть не занижающий её масштаб, её значимость и показывающий влияние Агафьи в противоречивой и непростой жизни Обломова.

Неслучайно в романе делается детальный акцент на отброшенной Ольгой ветки сирени и подобранным Ильей Ильичом, как и немаловажен тот факт, что ветка сирени заботливо покоится над могилой Обломова, посаженная дружеской рукой Агафьей Матвеевной Пшеницыной. Это два разных значения, две разные истолкования. Словно автор знаменует это следствием перехода от отстоев прошлого к благоустройству будущего. Атрибутика сирени используется просветителем И.А.Гончаровым недвусмысленно просто в значении процветания, равновесия и миролюбия.

Добролюбов справедливо полагал, что у Гончарова были предшественники в изображении «обломовщины». К ним он отнёс Пушкина, Лермонтова, Тургенева, создавших образы «лишних людей», – Онегина, Печорина и Рудина. Разница этих персонажей и Обломова обусловлена разницей исторических периодов, к которым они относились и своеобразием их индивидуальных темпераментов и поступков.

Автор неподдельно передаёт внутренний монолог Обломова: «Он болезненно чувствовал, что в нём зарыто, как в могиле, какое-то хорошее, светлое начало, может быть, теперь уже умершее, или лежит оно, как ЗОЛОТО, в недрах горы, и давно пора бы этому золоту быть ходячей монетой. Но глубоко и тяжело ЗАВАЛЕН КЛАД ДРЯНЬЮ, НАНОСНЫМ СОРОМ».

Примечательно, что в 1859 году вышел в свет не только «Обломов», но и труд К.Маркса «К критике политической экономии».

В это же время в России появляются первые марксистские кружки и в последние годы своей жизни Маркс допускает возможность перехода к социализму, минуя капиталистический этап исторического развития.

«Историческая неизбежность, – пишет Маркс, – сводится к Западной Европе». Таким образом, Маркс обозначает обобщённым понятием «уникальное стечение обстоятельств», то есть российский вариант социализма без привязки к историческому развитию развитых капиталистических государств. Российские реакционеры рассматривали крестьянство как антиисторическое сообщество, которое невозможно переделать. Но они ошибались «чтобы спасти русское общество, – напишет Маркс в 1881 году, – нужна русская революция».

Белинский сопоставляя Гончарова – романиста с Герценом, опубликовавшим роман «Кто виноват?» говорил, что достоинство Герцена

«не в творчестве, не в художественности, а в мысли, глубоко прочувствованной, вполне сознанный и развитой». Гончаров же, по Белинскому, «поэт, художник и больше ничего», на наш взгляд идеологический посыл и эстетика автора слегка не раскрыты и остаются недостаточно изученными.

Через двадцать лет после публикации «Обломова» Гончаров всё ещё не разрушает миф и устоявшуюся концепцию как Добролюбова, так и других деятелей мировой литературной общественности: «В своё время его РАЗОБРАЛИ, и значение его было оценено и критикой, особенно в лице Добролюбова, и публикою весьма СОЧУВСТВЕННО. Воплощение сна, неподвижной МЁРТВОЙ ЖИЗНИ – ПЕРЕПОЛЗАНИЕ ИЗО ДНЯ В ДЕНЬ...» и т.д.

«Лежанье у Ильи Ильича не было ни НЕОБХОДИМОСТЬЮ, как у больного или как у человека, КОТОРЫЙ ХОЧЕТ СПАТЬ, ни СЛУЧАЙНОСТЬЮ, как у того, кто устал, ни НАСЛАЖДЕНИЕМ, КАК У ЛЕНТЯЯ: это было его нормальным состоянием». Очевидно, что Обломов никогда не страдал глубоким, затяжным и продолжительным сном, скорее всего он не высыпал (не отсыпался) в полной мере отключаясь окончательно, так как разум его был более активным, чем физически обоснованное его составляющая часть. Это не явление, а факт! В данном контексте Гончаров подразумевал сонное царство России – обломовки, спящим непробудным сном и главного героя внутри неё, Илью Ильича в образе Сомнамбулы, борющегося против устоявшихся непробиваемых традиций, против застарелых правил и законов.

И возможно, что Гончаров создал образ Обломовки на основе собственных впечатлений, почерпнутых в своей родной Симбирской губернии... Эти места, описанные в романе Гончарова как удалённая и сюрреалистичная область, иногда (в воспоминаниях Обломова) предстают как безмятежная крестьянская идиллия, а иногда (в действительности) – как погибшая усадьба.

Обломовка ориентирована согласно природным циклам и циклам экзистенциальным. В этом «помещичьем» раю нет истории (точнее, она подчинена круговороту вечного возвращения). Отчего же ей быть если по мироощущению Ильи Ильича Обломовка – для него Рай по библейскому канону и религиозной догме. Здесь всё тихо, сонно, покойно. Да, это и есть наслаждение нирваной, которую хотел видеть в масштабном понимании Илья Ильич, но прежде разрушая старое и создавая новое. С другой стороны, его мятежный дух, протестовал не против этого блаженства, а против всеобщего «сонного затишья» перед предстоящей бурей. Либерализм Илья Ильича прослеживается на протяжении всего романа. Обломов задаётся с первых же страниц вопросами: «Когда жить?», «Для чего жить?» (Это перекликается с ключевым названием романа Чернышевского «Что делать?») Однако, наперёд понимая, что со спящей общественностью «далеко не пойдёшь», если у неё напрочь отсутствует понимание цели, программы и

задачи, то лучше укрыться «головой в одеяло» пока не наступит тот долгожданный час спасения, словно «спящая красавица» пока её не разбудит благородное Чудовище в лице революции!

Достаточно осознать в повествовании, что Илья Ильич был против дешёвых душевных тревог и бессмысленной буржуазной суеты: «Дело в том, что Обломов накануне получил из деревни, от своего старосты, письмо неприятного содержания. Известно, о каких неприятностях может писать староста: неурожай, недоимки, уменьшение дохода и т.п. Хотя староста и в прошлом, и в третьем году писал к своему барину точно такие же письма, но и это последнее письмо подействовало так же сильно, как всякий неприятный сюрприз».

Относительно, того, что Обломов не любил заниматься хозяйством, бытом характеризует его сосредоточенность и собранность на главном, не на распылении в мелочах, разрушающих его духовность – не приносящие ни радости, ни конечного результата, опуская его на низменные потребности, которому не видно конца как в непочатом крае: «Поэтому предполагалось ввести разные новые экономические, полицейские и другие меры. Но план был ещё далеко не весь обдуман, а неприятные письма старосты ежегодно повторялись, побуждали его к деятельности и, следовательно, нарушали ПОКОЙ. Обломов сознавал необходимость до окончания плана предпринять что-нибудь решительное».

Илья Ильич, обременённый житейскими вопросами, неумело увиливал и лавировал, чтобы окончательно не погрязнуть в болоте мещанского быта и бытия, так как он размышлял глобально, никак не утруждая себя размениваться на локальном.

Реалистический метод основывается на идее зависимости личности от социальных условий жизни. В реалистическом произведении всегда есть социальная ЛОГИКА ПОВЕДЕНИЯ ГЕРОЯ.

Квартира Илья Ильича с первых же страниц повествования книги напоминает своего рода либеральный реакционный кружок, где собираются представители из разных слоёв общества как будто идейные единомышленники Обломова. И покуда не пришло время восхождения передовой ситуации, сигнала к революционному клику, Обломов «устало лежит на диване» словно возвещая своему близкому кругу, что пока «не время!»

После посещения и ухода Волкова, Обломов пожимает плечами и думает: «И это жизнь! ГДЕ ЖЕ ТУТ ЧЕЛОВЕК? НА ЧТО ОН РАЗДРОБЛЯЕТСЯ И РАССЫПАЕТСЯ? Конечно, недурно заглянуть и в театр, и влюбиться в какую-нибудь Лидию...»

Да, всё человеческое не чуждо Обломову, но он устал от этой мишуры и нагоняющей тоску бессмысленной гламурной жизни, без просвета и без перспективы, но продолжает вести с посетителями порой пустую болтовню, а порой раскрывая нам свою мировоззренческую сущность. А после ухода Судьбинского, бывшего сослуживца, Илья Ильич думает, провожая его

глазами: «Увяз, любезный друг, по уши увяз. И слеп, и глух, и нем для всего остального в мире. А выйдет в люди, будет со временем ворочать делами и чинов нахватает... У нас это называется тоже карьерой! А как мало тут человека-то нужно: ума его, воли, чувства – зачем это? Роскошь! И ПРОЖИВЁТ СВОЙ ВЕК, И НЕ ПОШЕВЕЛИТСЯ В НЁМ МНОГОЕ, МНОГОЕ...»

Очередным посетителем Ильи Ильича, который предстаёт перед нашим взором в романе становится литератор Пенкин. Особо следует заметить, что Гончаров неспроста и не случайно с тонким, но глубоким смыслом, метафорично «клеймит» своих персонажей: Волков – словно волк на охоте в жизненных ситуациях; Судьбинский – судьба, которого predetermined; Пенкин – изливающий будто воду в своих сочинениях и сбивающий их пеной и т.д. Литератор пытается навязать Обломову прочесть какую-то поэму, написанную кем-то, но Илья Ильич говорит: «Чего я там не видал? Зачем это они пишут: только себя тешат...»; «Из чего же они бьются: из потехи, что ли, что вот кого-де ни возьмём, а верно и выйдет? А ЖИЗНИ-ТО и НЕТ НИ В ЧЁМ: нет понимания ее и сочувствия, нет того, что там у вас называется гуманизмом. Одно самолюбие только. Изображают-то они воров, падших женщин, точно ловят их на улице да отводят в тюрьму. В их рассказе слышны не «невидимые слёзы», а один только видимый, грубый смех, злость...»

Препинания и философские дискуссии литератора Пенкина с Обломовым выходят на новый уровень самопознания личности героя Гончарова всё более глубже раскрывая его внутренний мир:

– Что ж ещё нужно? И прекрасно, вы сами высказались: это кипучая злость – желчное гонение на порок, смех презрения над падшим человеком... тут всё!

– Нет, не всё! – вдруг ВОСПЛАМЕНИВШИСЬ, сказал Обломов, – изобрази вора, падшую женщину, надутого глупца, да и человека тут же не забудь. Где же человечность-то? Вы одной головой хотите писать! – почти ШИПЕЛ Обломов. – Вы думаете, что для МЫСЛИ не надо СЕРДЦА? Нет, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человеку, чтоб поднять его, или горько плачьте над ним, если он гибнет, а не глумитесь. Любите его, помните в нём САМОГО СЕБЯ и ОБРАЩАЙТЕСЬ с НИМ, КАК с СОБОЙ, – тогда я стану вас читать и склоню перед вами голову... – сказал он, улегшись опять ПОКОЙНО на диване. – Изображают они вора, падшую женщину, – говорил он, – а человека-то забывают или НЕ УМЕЮТ изобразить. Какое же тут искусство, какие поэтические краски нашли вы? Обличайте РАЗВРАТ, ГРЯЗЬ, только, пожалуйста, без претензии на поэзию...»

Гуманизм, миролюбие, филантропия и радикализм Обломова налицо от начала до конца повествования. Это, бесспорно. Искать в поведении Обломова «бездействие», объяснять поверхностный факт его сонливости или

делать ударение на его инертности – это значит ничего не сказать о нём, не делая особых усилий углубления в его психофизическую составляющую:

– Человека, Человека дайте мне! – говорил Обломов, – любите его...

– Любить ростовщика, ханжу, ворующего или тупоумного чиновника – слышите? Что вы это? И видно, что вы не занимаетесь литературой! – горячился Пенкин. – Нет, их надо карать, извергнуть из гражданской среды, из общества...

– ИЗВЕРГНУТЬ ИЗ ГРАЖДАНСКОЙ СРЕДЫ! – ВДРУГ ЗАГОВОРИЛ ВДОХНОВЕННО ОБЛОМОВ, ВСТАВ перед Пенкиным. – Это значит забыть, что в этом негодном сосуде присутствовало высшее начало; что он испорченный человек, но всё человек же, то есть вы сами. ИЗВЕРГНУТЬ! А как вы извергнете его из круга человечества, из лона природы, из милосердия божия? – ПОЧТИ КРИКНУЛ ОН с ПЫЛАЮЩИМИ ГЛАЗАМИ.

Итак, без конца постоянно в гостиную Илья Ильича приходят люди, которые без сомнения тянутся какими-то не виденными узами к нашему герою произведения. А Обломова мучает тот единственный нерешённый вопрос со старостой с гамлетовским пристрастием «быть или не быть?» решение которого он сознательно откладывает.

И тут Гончаров осуществляет с профессионально литературной точки зрения точный собирательный образ русской самобытности:

«Вошёл человек неопределённых лет, с неопределённой физиономией, в такой поре, когда трудно бывает угадать лета; не красив и не дурен, не высок и не низок ростом, не блондин и не брюнет. Природа не дала ему никакой резкой, заметной черты, ни дурной, ни хорошей. Его многие называли Иваном Ивановичем, другие – Иваном Васильичем, третьи – Иваном Михайлычем».

Так характеризует Гончаров безликий вид русской общественности, не используя при этом избитый фразеологизм: «ни рыба, ни мясо, ни кафтан, ни ряса». Сам Обломов подтверждает и дополняет мысль автора «Neither fish nor fowl»: «Весь этот Алексеев, Васильев, Андреев, или как хотите, есть какой-то неполный, безличный намёк на людскую массу, глухое отзвучие, неясный её отблеск».

И неудивительно, что непосредственно сном или сновидением Обломов убегает от реальности. Сном подавляет в себе депрессию. И эта погоня от бодрствования ко сну и от сна к процессу возвращения к реальной жизни – породило в нём полную будничную отрешённость (как он назвал выше *fatum* с лат. – рок) к элементарной человеческой необходимости оставаться самим собой, позволять себе то, на что другие не решаются! Его окружение Илью не поняло, как и сам Обломов, который всё ещё остаётся непонятым героем в мировой классической литературе.

Гончаров и Ленин – два ключевых имени Ульяновска, две знаменитые на весь мир личности. Ульяновск – родина двух Ильичей. И не случайно в романе присутствует имя Илья Ильича Обломова. Ленин любил «Обломова» и «Обломова» цитировал охотно. В цитатном отношении «Обломов»

занимает третье место в работах Ленина после «Мёртвых душ» и «Горе от ума». Сам Ленин видел в образе Обломова принципиальное препятствие на пути реализации «своего проекта». Но строгое выражение Лениным, после самого автора – термин «обломовщина» предназначалось скорее всего для раскрытия сущности разлагающегося буржуазного класса, но истинный смысл «обломовщины» остаётся определяющим фактором лишь с позиции глубокого психоанализа данной парадигмы. Всё ещё несправедливо «обломовщина» (однокоренное значение слова, которого является: сломать, ломать, ломка) остаётся синонимом – ленивый, мягкотелый, неподвижный, неумелый, нерасторопный и т.д., и т.п.

В 1922 году В.И.Ленин писал: «Был такой тип русской жизни – Обломов. Он всё лежал на кровати и составлял штаны. С тех пор прошло много времени. Россия проделала три революции, а всё же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и КОММУНИСТ»; «Старый Обломов остался, и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел». В сочинениях Ленина пестрят упоминания «русской обломовщины», «наших проклятых обломовских нравов», «проклятой привычки российских Обломовых усыплять всех, все и вся...». И тут, как мы видим дело не в литературном образе Ильи Ильича, хотя после состоявшейся революционной ситуации, которая не помешала Ленину всё же претворить «свой проект» в жизнь лишней раз доказывает оспариваемый нами термин «обломовщина». Ленин говорил: «Умер Обломов. Но призрак его жив. Призрак этот явился даже там, где его совсем не ждали – в энтузиазме освобождённого социалистического труда». И в очевидной интерпретации, Илья Ильич больше, чем социалист, он коммунист и утопист в широком понимании его личности как литературного героя, мечтающий о всеобщей мировой справедливости, гармонии, благоденствия и счастья.

Считается, что проблема коммунизма коренилась в первую очередь в отсутствии той «сознательности», которая должна была сделать труд радостным, освобождённым к чему и стремился подспудно Илья Ильич, желающий видеть «Обломовку» райским уголком. Видать, тем самым и провозглашается коммунистический лозунг: «Все силы на борьбу за ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!»

Познавательно, что проект Ленина был основан на лени. Эту мысль сформулировал поэт, художник, мечтатель Анатолий Перегуд. Он утверждал, что Владимир Ульянов взял себе псевдоним Ленин ради того, чтобы указать человечеству на «необходимость лени». Только лень, по Ленину, и может спасти человечество. «Коммунизм – не освобождённый труд, а высвобожденная из труда способность лениться».

Иначе говоря, вождь пролетариата противоречит сам себе и отводит в сторону критическую мысль об «обломовщине», в котором теряется смысловое значение.

В главе «Сон Обломова» превосходно показана, помещичье-усадебная жизнь. В Обломовке жили «добрые» и «счастливые» люди. Если внимательно вчитываться в «Сон Обломова», то он предстает нам именно идиллией о райской жизни, идеалом бесхитростного, беззлобного и безмятежного существования. Не к этому ли стремился и желал Илья Ильич Обломов? Ведь по исламской религии, последней Божьей религии на чём основана вся коммунистическая концепция и состоит замысел о создании благонадёжной, гуманной, справедливой, счастливой жизни на земле, некий мир наподобие Эдему – до выдворения оттуда Адама и Евы.

Зло крепостнического барства в другом, это по-гоголевски гиперболизированное число «рабов-воспитателей» – своего рода социальный символ, знак неизбежности возвышения одного человека над другими. Безосновательного, в конкретном случае просто нелепого возвышения, как понимал Обломов.

Патриархальная замкнутость Обломовки умилительная, удивляющая своей исключительностью (советы не трогать лежащего в канаве мужика; нежелание знать содержание письма). Она порождает душевную черствость, что впоследствии часто будет сказываться в поступках и чувствах Обломова. Напомним, что Илья Ильич был против дешевой тревоги и показухи. Его субъективная трезвая оценка действительности, принципиальность и дальновидность могла бы стать формой активной борьбы, что в сложном мире социального неравенства зависело разве что от объективных предпосылок в противоборстве с реальным злом. Социальный масштаб измерений у Илья Ильича вполне похвален. Его мечтания и планы не бесплодны и не беспочвенны, они никогда не свободны от социального колорита. Не просто так Илья Ильич хочет донести до Захара свою благодетельную миссию по отношению к нему, к ним – кодовым словом, которого является «другие»: «...забочусь день и ночь, тружусь... ДЛЯ КОГО? ВСЕ ДЛЯ ВАС, для КРЕСТЬЯН... чтоб крестьяне не потерпели ни в чём нужды...»

Специфика художественного реализма Гончарова – в решении сложной эстетической задачи: раскрыть внутренний динамизм личности вне необычных сюжетных событий, раскрыть внутреннюю активность героя прибегая к его пассивности. Писатель увидел в обыденности жизни, порой в удивляющей медлительности ее течения внутреннюю напряженность.

Следовательно, роман «Обломов» является одним из центральных произведений Ивана Александровича Гончарова, который оставил глубокий эстетическо-творческий след в мировой культуре. Автор идёт к этике через эстетику. **Литературный эссенциализм «Обломова», на наш взгляд, «спрятан на видном месте», где обычно хотят спрятать предмет, который не хотят, чтобы нашли молниеносно. Этическое измерение романа, как все гениальные творения очень проста, где нет поверхностного, банального к которому нужно и необходимо возвращаться, чтобы определить индивидуальность Обломова.**

Немаловажный главный вывод делает Добролюбов, предупреждая возможные симпатии по поводу положительных качеств Обломова: «Нет, нельзя так льстить живым, а мы ещё живы, мы ещё по-прежнему Обломовы. Обломовщина никогда не оставляла нас». Предубеждение и предвзятость литературного критика ставится им самим под сомнение о главном герое Гончарова. Критик однажды выразил СОЖАЛЕНИЕ, что не один из современных ему романистов НЕ ОБЪЯСНИЛ, ПОЧЕМУ ЕГО ГЕРОЙ ВЕДЁТ СЕБЯ ТАК, А НЕ ИНАЧЕ. В качестве образцовых примеров Добролюбов указал на гоголевского Чичикова и гончаровского Обломова.

Следует добавить, что после прочтения, изучения и сопоставления всех прижизненных публикаций «Обломова», редакционная коллегия «Литературных памятников» приходит к выводу о необходимости выхода в свет текста романа по изданию 1862 года.

Как уже было сказано выше, И.А.Гончаров предзнаменовал отмену крепостного права. Крестьянская реформа в России возвещалась Манифестом об отмене крепостного права 19 февраля (3 марта) 1861 года, что приводит в дальнейшем к изменению всего хода внутривнутриполитических и исторических событий, вплоть до первой русской революции 1906 года, в условиях которых указывалось, что «выкупные платежи были выгодны не крестьянам, а помещикам».

Илья Ильич хотя и вовлечён на уговоры об отъезде в «Обломовку», но так и не возвращается туда в силу не инертности, а безысходности.

Обломов – это герой раньше времени, оставшийся непонятым своему поколению (как и всякий маргинал), который свой последний путь и пристанище находит на столичном кладбище, до зарождающей генерации новых Обломовых в лице его сына – Андрея.

Убеждён, что Илья Ильич Обломов – не регрессивный мечтатель в привычном понимании этого выражения, он реакционер, радикально мыслящий человек своего времени познавший истину, который чувствовал предстоящий неизбежный «ветер перемен». В светских кругах общества, где он волей-неволей вращается присутствует обострённый формы атавизм с порочно нарушенным нравственно-этическими нормами поведения.

«Спящий режим» Обломова всегда на «автопилоте», обусловленный особым состоянием экзальтации, которым управляет только он сам, придерживаясь методики «движения и остановки». Совершенно сознательное «флагелланство» Илья Ильича носит характер как публичного истязания над самим собой, так и наедине со своим «Я».

Однозначно, Илья Ильича нельзя назвать ленивым, неумелым, непрактичным вечно сонным буржуа или другими эпитетами, потому что в продолжении всего романа – он в движении, в поиске истины и смысла, предугадав настрой общества и систему ценностей и его коллизии, но не смог с этим злом бороться в одиночку. У него напрочь отсутствует симптом лени, это некая форма концентрации в медитации с четырьмя стадиями,

которая описана у Патанджали (джаграт, свапна, сушипти, турья), потому что он распознал очевидное с идейным рвением найти выход, там, где его нет, но исход который приходит после его смерти, спустя годы, лишний раз подтверждает, что он являлся одной из личностью передовой революционной мысли.

«Обломовщина» собирательный образ любого общественного обломавшегося строя, воссозданный автором с глубоким двойным подтекстом все нити которого ведут к центральному герою произведения Илья Ильичу Обломову.

Обломов, безусловно герой своего времени, он обломался не идейностью, а окружающей действительностью, был подавлен не инициативой, а безрезультатностью. Он не «продукт», а жертва сложившихся обстоятельств, одушевлённый большими нравственными посылами, которые в конечном счёте приводят от социального и морального рабства к свободе, гуманности и высокой духовности.

12.04.2018 – 22.02.2025

г. Баку, Азербайджан)